

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

РОБЕРТ ДЖОНС

ИСТОРИЯ РЫЦАРСТВА

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 355/359
ББК 68
Д 42

ROBERT JONES

KNIGHT. The Warrior and World of Chivalry

First published in Great Britain in 2011, by Osprey Publishing Ltd.,
Midland House, West Way, Botley, Oxford, OX2 0PH.

All rights reserved.

Russian language translation © 2011 Osprey Publishing Ltd.

Джонс, Роберт.

Д 42 История Рыцарства / Роберт Джонс ; [пер. с англ. А. Колина]. — Москва : Эксмо, 2014. — 240 с. : ил.

ISBN 978-5-699-73081-0

Масштабное исследование известного британского историка-медиевиста Роберта Джонса охватывает всю историю европейского рыцарства с XI по XVI век. Автор глубоко анализирует экономические, социальные, культурные и религиозные аспекты развития рыцарского сословия, развенчивая многие стереотипы. Боевая эффективность рыцарей и особенности рыцарского кодекса чести, «карьерный путь» рыцаря и роль рыцарей в управлении государством и отправлении правосудия — читатель найдет в этой книге множество малоизвестных или вообще неизвестных деталей, определявших условия, в которых формировалось и расцветало европейское рыцарство.

Богато иллюстрированное повествование основывается на исторических свидетельствах очевидцев, в том числе и самих рыцарей, и воскрешает ход многих знаменитых сражений — таких, как битвы при Азенкуре и Павии. В книге также представлены биографии многих прославленных воинов Средневековья, включая Готфрида Бульонского и Ричарда Львиное Сердце.

УДК 355/359
ББК 68

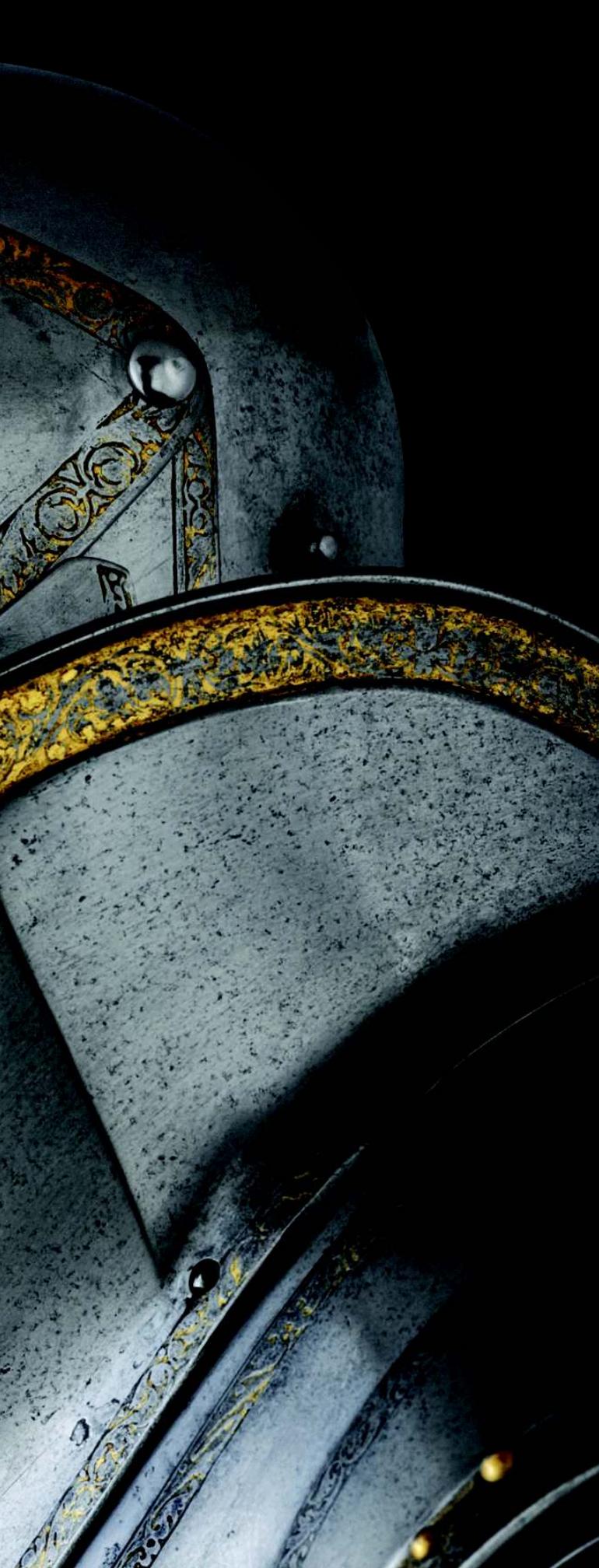
ISBN 978-5-699-73081-0

© Колин А., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ОРУЖИЕ И ДОСПЕХИ	29
ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ТАКТИКА И ПОДГОТОВКА	67
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: В ПОХОДЕ И В СРАЖЕНИИ	95
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: РЫЦАРСТВО: РЫЦАРСКИЙ КОДЕКС	143
ЧАСТЬ ПЯТАЯ: ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПОЛЯ БОЯ: РЫЦАРЬ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ	179
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ: СМЕРТЬ РЫЦАРСТВА?	211
ГЛОССАРИЙ	225
БИБЛИОГРАФИЯ	231

ВСТУПЛЕНИЕ

В ИСТОРИИ, ПОЖАЛУЙ, НЕ НАЙТИ ВОИНА, БОЛЕЕ УЗНАВАЕМОГО как символ эпохи, чем средневековый рыцарь. Он неотъемлемый атрибут современной ему культуры. Он не только скачет на боевом коне в неизменно блестящих доспехах и поражает наш взор красочной геральдикой со страниц романов и кадров кинофильмов, снаряжение его служит украшением музеев, замков и просто частных жилищ, а его изображения в бронзе или камне встречаются во множестве церквей. Каждым летом толпы любопытных собираются посмотреть на пышные костюмированные предприятия, призванные воскресить древние ритуалы турниров.

Однако образ рыцаря — конного воина, от макушки до пят закованного в доспехи, укутанного в одеяния с мудреными геральдическими эмблемами и сидящего верхом на грозном боевом коне — есть всего лишь нечто вроде рекламного плаката или штампа, укоренившегося в нашем сознании. Целиком же картина куда более сложна. Начать хотя бы с того, что внешний вид рыцаря менялся на протяжении периода его господства на полях сражений продолжительностью свыше 500 лет, по мере того как оружейники продвигались по пути развития технологий производства оружия и задействовали новые находки в области изготовления и обработки металлов. Если мы поставим рядом рыцаря XI столетия, одетого в простую кольчугу и в шлем с *nasal*, то увидим, как сильно отличается он от своего собрата XIV века, защищенного доспехами из кольчужных и кованых элементов под свободным *surcot*, и с лицом, скрытым массивным «шлемом-горшком» или же более легким остроносым *bascinet*. Несходство вновь окажется не менее разительным при сравнении этого воина с рыцарем заката эпохи, когда в конце XVI столетия на поле брани выходили бойцы в полностью кованых латах и табарах с рукавами, в сложных по устройству шлемах с забралами и с огромными плюмажами из страусовых перьев.

Вовсе не надо думать также и будто рыцари всегда очертя голову бросались в битву. Пусть данные очевидцев в отношении используемых тактических приемов и до обидного туманны, ясно одно: когда атака проводилась должным образом, она тщательно выстраивалась и основывалась на применении тактики малого подразделения, дабы достигнуть максимального эффекта воздействия и обеспечить условия для перегруппировки и ввода в бой резервов. Важность действия *ordinate* — в добром порядке — и опасность оказаться *inordinate*, то есть рассеяться или смешаться, служит постоянным лейтмотивом в хрониках. Конечно, рыцарственные командиры — вот уж что правда, то правда! — нередко бывали порывисты и заносчивы, но в то же самое время демонстрировали лукавство и способность продумывать собственные действия наперед.

Рыцари учились биться не только верхом, а потому умели в равной степени хорошо сражаться пешими. Англо-нормандские рыцари XII столетия и английские латники XIV и XV веков вообще чаще вели битвы, стоя на твердой земле, нежели сидя в седле. В противоположность распространенному мнению, выбитый из седла рыцарь вовсе не обязательно превращался в этакую беспомощную перевернутую на спину черепаху, хотя в определенных ситуациях и оказывался в неудобном положении. Носимые им доспехи создавались с целью достижения максимально возможного уровня защищенности и представляли собой великолепные продукты средневековой мысли и мастерства

оружейников. Нет сомнения, рыцарь должен был драться, а потому броня во все не лишала его подвижности. Рыцарь являл собой полностью готовую к сражению боевую единицу армий Средних веков.

Нет ничего удивительного, что в популярном сознании образ рыцаря есть практически исключительно образ человека военного, однако рыцарь никогда не был исключительно лишь воином. Он принадлежал к военной элите в значительной степени потому, что олицетворял собой одновременно элиту общественную и политическую. Такое положение не только давало ему средства и возможности обеспечить себя доспехами, оружием и конями — всем тем, что делало его таким грозным, — но и предоставляло предостаточно свободного времени для тренировок и оттачивания мастерства на охотах, турнирах и в настоящем бою. Те же моменты порождали в нем ощущение собственного превосходства — надменная заносчивость рыцаря позволяла ему порой совершать чудеса, но также и вела к чудовищным промахам.

Верно оценить место рыцаря в обществе и политике куда сложнее, чем разобраться в его военных функциях, однако не менее важно. Он мог выступать не только в роли землевладельца, управляющего собственным имением, но и служить в качестве королевского чиновника, действующего как заседатель, судья или комиссионер, выполняющий управленческие обязанности, на вид не имевшие ничего общего с ратным трудом. Процессы эволюции претерпевал не только его внешний вид, но и общественный статус. В XI столетии рыцари являлись чем-то едва ли большим, нежели вооруженными слугами и имели довольно невысокое социальное положение. К XII веку оно стало выше — каждый сеньор был рыцарем (пусть и не каждый рыцарь — сеньором). К концу XIII столетия иные рыцари выступали советниками монархов на заседаниях парламентов. К XIV веку целостность образа рыцарского класса начала подвергаться заметной эрозии, поскольку люди статусом пониже — дворяне не столь высокого ранга — все чаще жили, служили и вели себя как рыцари. К XVI столетию представители низших сословий тоже возводились в рыцарское достоинство за боевые заслуги, тогда как другие добивались такого положения службой при королевском дворе, где требовались ум, чутье и политическая изворотливость, становившиеся подчас более важными, чем доблесть на ратном поприще.

Культурный мир рыцаря отличался богатством и разносторонностью. Он становился грамотеем и интеллектуалом. Многие рыцари сделали писателями и оставили после себя рассказы о деяниях великих людей, которых знали лично, и хроники событий, свидетелями и участниками коих оказывались. Другие вели дискуссии в области законовещения и религии, демонстрируя созерцательность и восприимчивость натуры, — факторов, вступающих в резкое противоречие с традиционными представлениями о жестокости их основного занятия. На дорогие одежды, музыкантов и сады они тратили не меньше, чем на великолепные оружие, латы и лошадей. Разумеется, вкусы и культурные воззрения всегда имели связь с военным происхождением рыцарства. Рыцари часто внимали сказаниям о деяниях мифологических героев и бойцов, совершивших доблестные поступки в сражениях. Однако персонажи тех легенд искали не только боя, но и любви. Истории повествуют о прекрасных дамах ничуть не реже, чем о битвах. Не лишены они и религиозных элементов. Церковь все упорнее искала способа перенаправить и ограничить жестокость и тщеславие воинов за счет создания более приемлемой для себя рыцарской культуры.

КОГО СЧИТАТЬ РЫЦАРЕМ

Посему, как видим, рыцарь выполнял довольно широкое множество разнообразных функций. Но не все рыцари играли все роли — некоторые относились на долю тех, кто считались рыцарями. В результате определение того, кто есть рыцарь, а кто нет, не так уж однозначно, как кажется поначалу. Если говорить

Иллюстрация к Эглинтонскому турниру, 1839 г. «Я вполне осознаю, что сие лишь весьма скромное изображение сцен, нарисованных моим воображением, но я, по крайней мере, сделал хоть что-то в направлении возрождения рыцарства». Так высказался 13-й эрл Эглинтон, организовавший театрализованную постановку в романтическом духе. В таком розовом свете рыцарство и представляется большинству обывателей в наши дни. (Библиотека иллюстраций Мэри Эванс)

о социальном факторе, тут все в порядке: рыцарь — тот, кто удостоен данного титула, признанного за ним другими рыцарями, принят в узкий круг элиты за счет проведения процедуры посвящения. Однако существует громадная разница в общественном и экономическом положении королей, князей и вельмож, и их вооруженных слуг — тех же немецких *ministeriales*, — являвшихся рыцарями, но находившихся в значительной степени на положении крепостных.

Военное определение, основанное на роли рыцаря на поле боя, в равной степени проблематично, поскольку задачи его менялись и, безусловно, не ограничивались тем, что современные комментаторы обычно подразумевают под функциями «тяжелой кавалерии». Более того, некоторые из воевавших в полных доспехах и к тому же верхом не считались в социальном плане равными рыцарям и являлись на деле оруженосцами, сержантами и представителями мелкого дворянства, служившими бок о бок с настоящими рыцарями, при этом они титуловались общим для всех «видовым» термином «тяжеловооруженные воины», или «жандармь». Любая попытка исключить нерыцарскую составляющую из разговора о роли тяжеловооруженного воина в битве обречена на провал, в значительной мере потому, что зачастую невозможно отличить тех и других друг от друга как в письменных источниках, так и по задачам на поле сражения.

Третье мерило культурного свойства. Независимо от того, где и какому государю они служили, безотносительно их социального статуса и способа ведения боевых действий — в пешем строю или на коне, — людей этих объединяло понимание того, чем они занимались, и общие ценности их рыцарской профессии. Конечно же, не все рыцари имели одинаковые представления о том, что считать рыцарским, а что нет. Концепция эта и в Средние века была не менее туманной и трудно поддающейся четкому определению, чем в наши дни. Более того, в источниках то и дело говорится о рыцарях, поступавших не рыцарски, обычно, чтобы осудить их поведение. Они, однако, оставались рыцарями: плохими рыцарями, дурными рыцарями, но тем не менее рыцарями.

Несмотря на приведенные оговорки, мы все же условимся считать рыцарей группой представителей общественной элиты, являющихся таковыми вследствие их способности сражаться верхом в полных доспехах (вне зависимости от того, какой именно способ ведения боевых действий они избирали на поле) и разделяющих общие «благородные рыцарские» ценности. Ввиду необходимости, подобный шаг повлечет за собой известное размывание социального определения рыцаря и включение «оруженосцев» и представителей мелкого дворянства, формально остающихся за строгими рамками понятия «рыцарь», в число рыцарей как воинов тяжелой кавалерии и людей одного культурного слоя. В равной степени термины «рыцарь», «тяжеловооруженный всадник», а иногда и более общее «воин» будут использоваться в данной книге довольно произвольно наряду с латинским *miles* (во множественном числе *militēs*) и французскими *chevalier* и *gendarme*.

ЭРА СРЕДНЕВЕКОВОГО РЫЦАРЯ

В предлагаемой вниманию читателя книге мы бросим взгляд на мир рыцаря, охватив период более чем в тысячу лет, проследим момент его появления в пору упадка Римской империи и в эпоху раннего Средневековья — с седьмого по десятое столетие, — отметим моменты выдвигания на передовые

позиции в эру так называемых зрелых Средних веков, каковая охватывает приблизительно временной отрезок с 1000 по 1400 г. Мы предпримем попытку осмыслить упадок рыцарства (по крайней мере, в Англии) ближе к концу XIII века и новое вдохновение, вселенное в него военными успехами Эдуарда III в ходе кампаний против шотландцев и французов и любовью короля к рыцарской культуре, к турнирным торжествам и тому подобным пышным зрелищам. В позднем Средневековье — с середины XI столетия — господство рыцаря на поле боя все настойчивее оспаривалось, и в данной книге пойдет речь также и о факторах, приведших к его исчезновению в XVI столетии.

В описании средневекового рыцаря наряду с уцелевшими оружием и доспехами, изображениями в эффигиях, на бронзовых дощечках и на украшениях манускриптов, используется широкий спектр письменных работ. Нашими основными источниками по событиям того периода выступают множество летописей, оставленных по себе монахами, как та же «Церковная история» XII столетия, принадлежащая перу англо-нормандского автора Ордерика Виталия родом из английского Шропшира, сочиненная им в нормандском монастыре Сент-Эвру-ан-Уш, или же созданных светскими служащими вроде творившего в XIV веке парижанина Жана Фруассара. Авторы фиксируют главное в интересующем нас временном отрезке. В хронике «Завоевание Ирландии» Гиральд Камбрийский, клирик одновременно нормандских и валлийских корней, представляет нам современную ему историю и взгляд (пусть и пристрастный) на роль его семьи в ранних англо-нормандских походах в Ирландию в 1170-х. Тогда как живое описание Ирландии и Уэльса позволяет нам присмотреться к тому, как подобные люди наживали боевой опыт в этих областях столкновения различных культур.

На другой стороне спектра — художественные работы: эпические произведения X и XI веков, подобные «Песни о Роланде» или серии сказаний о графе Гийоме Оранжском, или Желонском, где рассказчики сосредотачиваются на сверхчеловеческих боевых способностях героев, а также более поздние и сложные романы, вроде сочиненных о рыцарях короля Артура французским автором Кретьеном де Труа в 1170-х и 1180-х годах, где кровавые описания рыцарских схваток перемежаются с историями о куртуазной любви. Пусть такие легенды не годятся в качестве информационных источников по фактическим историческим событиям, а истинная картина в них всегда до неузнаваемости раздута и преувеличена, точно в какой-нибудь голливудской саге, в них все же наличествуют элементы правдоподобного и уж по крайней мере отражаются некоторые идеалы, волновавшие и вдохновлявшие рыцарей.

Примерно посредине между двумя типами описанных выше источников помещаются истории вроде «Романа о Бруте» и «Романа о Роллоне», созданные нормандским клириком Васом в середине XII столетия. Излагая историю Британии в первом и Нормандии во втором случае, от самого их окутанного мистической тайной возникновения и вплоть до современных ему времен, Вас смешивает героическую литературу и летописные хроники, складывая воедино факты и вымысел. Тот же прием взят на вооружение и автором «Истории Уильяма Маршала» — поэмы о жизни и деяниях самого знаменитого из английских рыцарей XII и XIII столетий [Уильям Маршал, он же Гийом ле Марешаль (1146–1219), лорд-маршал Англии с 1194 г., граф Пембрук с 1199 г., принадлежал к англо-нормандскому рыцарству, и его биография в стихах (*Histoire de Guillaume le Maréchal, comte de Striguil et de Pembroke, régent*

d'Angleterre) была написана на англо-нормандском языке, происходившем от старонормандского, который, в свою очередь, являлся диалектом романского языка ланг д'ойль (*langue d'oil*), употреблявшегося в Северной Франции. — *Прим. ред.*] Получивший заказ от сына Уильяма, автор повествует обо всем в тоне, характерном для эпических сказаний и романов, перемежая высокую политику англо-нормандского мира волнующими сценами турниров и битв, а также потешными анекдотами, чем обнаруживает характер прочно стоящего на земле обеими ногами человека с неплохим чувством юмора, к тому же отменно разбирающегося в политических хитросплетениях своего времени.

Но не все наши источники вышли из-под пера людей, никогда не видевших сражений собственными глазами. Некоторые рыцари описали события, в которых принимали участие лично. Так обстоит дело, например, с «Житием Людовика Святого» Жана де Жуанвиля (книга на французском известна под самыми разными названиями. — *Прим. пер.*), французского рыцаря, принимавшего участие в Крестовом походе в Египет под началом короля Франции Людовика IX в период между 1248 и 1254 г. и рассказавшего нам о том предприятии и о Людовике. В то время фламандский хронист Жан ле Бель, до того, как взяться за перо, служил рыцарем в армии Эдуарда III и участвовал в Урдейлском походе 1327 г., когда английский король безуспешно пытался навязать шотландцам сражение. Описанные ле Белем нужда и тяготы кампании, а также несчастья и злоключения, выпавшие на долю армии в неудачной экспедиции, отличным образом разнообразят роскошный образ рыцарства на богато украшенных манускриптах, оттеняют эlegantные процессии рыцарей из сказаний об Артуре и дополняют живыми образами сухие строки, написанные в кельях монахами-хронистами.

Доступный нам материал не целиком лишь повествовательный по форме. Сохранились административные уложения, позволяющие получить данные о том, как организовались войска, какую плату получили воины и каких действий от них ожидало командование. Орден рыцарей-тамплиеров, являясь монашеской структурой, имел писанный «Устав Храма» — свод правил, регламентировавших жизнь обитатели. Помимо перечня обычных обязанностей монахов документ содержал подробное описание экипировки братьев-рыцарей, их места в строю на марше и в ходе сражения. В то время как «Устав Храма» сам по себе вещь особенная, вряд ли стоит сомневаться в универсальности обозначенной в нем практики и ее привычности для рыцарских армий повсюду в Европе. Не столь ценна в плане деталей, но не менее важна для понимания рыцарства *Livre de chevalerie* («Книга рыцарства») — работа, написанная Жоффруа де Шарни около 1350 г. Целью данного произведения являлось привить юным рыцарям высокие идеалы рыцарства, как таковые виделись человеку, являвшемуся одним из самых рыцарственных рыцарей в Европе в то время, члену-основателю французского ордена Звезды, которому была доверена великая честь нести священное королевское знамя Орифламму во время битвы при Пуатье в 1356 г., где он и сложил голову.

Составив воедино и проанализировав все вышеперечисленные источники, — повествовательные и художественные, инструктивные и административные, изобразительные и письменные, — мы получаем возможность нарисовать портрет рыцаря, представить себе его культуру и мир в период между XI и XVI столетиями.

ХРОНОЛОГИЯ

Далее следует список ключевых событий, сражений и осад, описываемых в данной книге.

732 г.

Битва при Пуатье (известная также как битва при Туре). Франкский предводитель Карл Мартелл наносит поражение мусульманскому войску Омейядского халифата и, как принято считать, останавливает наступление ислама на Европу. По мнению историка Линна Уайта-мл., победа Мартелла стала результатом технического прогресса, а именно использования стреляющих машин, и оказалась жизненно важным шагом в процессе развития средневекового рыцаря.

1047 г.

Война между герцогом Нормандии Вильгельмом «Незаконнорожденным» (позднее «Завоевателем») и графом Анжуйским Жоффрау Мартеллом, вспыхнувшая из-за стремления Вильгельма нанести поражение взбунтовавшимся нормандским вельможам и упрочить собственные позиции как герцога. В том числе осады Ле-Мана и Алансона.

1066 г.

Битва при Гастингсе между герцогом Нормандии Вильгельмом (назначенным, по его утверждению, королем Англии Эдуардом Исповедником своим преемником и на данном основании претендовавшим на английский престол) и Гарольдом Годвинсоном (получившим трон после кончины Эдуарда по решению английской аристократии). Гарольд гибнет в ходе сражения, а английское войско подвергается разгрому, вследствие чего ничто уже не мешает Вильгельму стать королем Англии, и последняя вливается в политический и культурный мир материковой Европы. Некоторые видят в победе Вильгельма триумф нормандского рыцарства над английскими пехотинцами.

1096–1099 гг.

Первый крестовый поход. Военная экспедиция, инспирированная римским папой Урбаном II с целью оказать помощь Византийской империи и освободить святыни христиан из-под ига мусульман. После осад городов Никея, Антиохия и Иерусалим, и сражений при Дорилее и Аскалоне, христианам удается создать несколько сеньорий, так называемых «государств крестоносцев»: королевство Иерусалим, княжество Антиохия и два графства — Эдесса и Триполи. Успех Первого крестового похода породил целую серию подобного рода предприятий на протяжении следующих 400 лет, послужил толчком для создания военно-монашеских орденов и добавил новый духовный аспект к рыцарской культуре.

1102 г.

Осада Бриджнорта. Замок Бриджнорт в английском графстве Шропшир, удерживаемый мятежным бароном Робертом Беллемом, в течение трех месяцев осаждают войска короля Англии Генриха I. В конечном итоге жители решают сдаться, предав гарнизон из рыцарей-наемников и заперев их в донжоне (см. глоссарий в конце книги. — *Прим. пер.*).

1109 г.

Битва при Теншбрэ, разыгравшаяся между герцогом Нормандии Робертом Куртгёзом и королем Англии Генрихом I (первым и третьим сыновьями Вильгельма Завоевателя соответственно) за власть над герцогством. Роберт терпит поражение и попадает в плен, а Нормандия и Англия объединяются под скипетром одного государя — Генриха.

1119 г.

Битва при Бремюле между Генрихом I Английским и Людовиком VI Французским. Последний поддерживает нормандских баронов, взбунтовавшихся против Генриха как правителя герцогства. Генрих одерживает победу.

1124 г.

Битва при Бургтерульде. Очередное сражение в процессе борьбы Генриха I за поддержание своего господства над герцогством Нормандия. Войско под началом нормандского вельможи, графа Валерана де Мёлана, поддерживающее притязания Уильяма Клитона, сына Роберта Куртгёза, терпит поражение от придворной дружины, или *familia regis*, Генриха I.

1135–1148 гг.

Гражданская война между Стефаном де Блуа и Матильдой. После смерти Генриха I королевская корона отходит к его племяннику Стефану, иначе Этьену де Блуа, несмотря на факт назначения Генрихом (сыновья которого умерли раньше отца) наследницей трона дочери, Матильды, в верности коковой он и заставил поклясться баронов. Война за наследие выливается в сражения и осады, протекавшие как в Англии (в том числе битва при Линкольне в 1141 г., где Стефан терпит поражение и попадает в плен, и осада Малмсбери в 1153 г.), так и в Нормандии, где дело Матильды отстаивали ее муж Жоффруа Плантагенет, граф Анжуйский, и сын Анри [Жоффруа (Готфрид) V Анжуйский (1113–1151), граф Анжу и Мэна с 1129 г., граф де Морген с 1141 г., герцог Нормандии с 1144 г., прозванный «Красивым» за привлекательную внешность и «Плантагенетом» — за любовь к охоте среди колючих кустов дрока, именуемого по-латыни *planta genista* (веточку этого растения он прикреплял к головному убору в качестве опознавательного знака); вышеуказанное прозвище, ставшее родовым, унаследовал старший сын Жоффруа Анжуйского Анри (Генрих) «Короткий плащ» (фр. *Courte-manteau*, англ. *Court mantle*) — основатель английской королевской династии Плантагенетов. — *Прим. ред.*]. В конечном итоге стороны приходят к соглашению, позволяющему Стефану оставаться королем до своей кончины с последующим переходом престола к Анри Плантагенету, который с 1154 г. и начинает править как Генрих II.

1138 г.

Битва при Норталлертоне, известная также как сражение при Штандарте из-за большой хоругви, привезенной на поле боя англо-нормандским войском. Вторгнувшаяся в английские пределы шотландская армия терпит поражение от английских сил, сформированных преимущественно из набранных на местах воинов и из *familiae* (т.е. личных дружин. — *Прим. пер.*) баронов Северной Англии.

1169 г.

Англо-нормандское войско вторгается в Ирландию в поддержку короля Ленстера Диамарта. В 1169 г. они совместными силами громят как кельтов, так и норвежцев у Оссори, а в 1170 г. захватывают датскую колонию Уэксфорд. Норманны, в основном из южных и западных областей Уэльса, создают первые английские поместья в Ирландии.

1189 г.

Сын Генриха II Ричард, пользующийся поддержкой короля Франции Филиппа II Августа, поднимает мятеж против отца — уже далеко не первый, ибо сыновья Генриха давно ищут возможности вырвать власть и земли из рук отца. Нанося удары по графству Анжу (унаследованному Генрихом от отца, Жоффруа) и Ле-Ману, мятежники побеждают короля и вынуждают его подчиниться. Вскоре после того Генрих умирает, а Ричард наследует трон.

1189–1192 гг.

Третий крестовый поход. Ричард I Английский, Филипп II Август Французский и Леопольд V Австрийский возглавляют Крестовый поход с целью освобождения Иерусалима, потерянного крестоносцами в результате поражения в войне с Айюбидами и их лидером Саладином в 1187 г. По пути войска Ричарда высаживаются на Сицилии и в 1190 г. предают грабежу Мессину, затем оказываются на Кипре, каковой он завоевывает и продает ордену Храма. Несмотря на успехи войск крестоносцев в осаде Акры и в сражении при Арзуфе в 1191 г., соперничество и раздоры между тремя вожаками христиан раскалывают и без того хрупкую коалицию. Филипп и Леопольд решают вернуться в Европу, тогда как Ричард, не имея возможности осадить Иерусалим с оставшимися в его распоряжении войсками, заключает с Саладином договор, по условиям которого христианам гарантируется доступ в Святой Город. На обратном пути Ричард попадает в плен к Леопольду и в итоге отпускается за выкуп в 150 000 марок.

1202–1204 гг.

Четвертый крестовый поход. Лидеры экспедиции, изначально нацеленной на освобождение Иерусалима путем вторжения в Египет, сталкиваются с серьезными финансовыми трудностями, и основному ядру крестоносной армии приходится помогать венецианцам отвоевывать город Задар (на берегу Адриатики) у византийцев, чтобы рассчитаться за провизию и транспорт для проезда в Святую землю. [Порт Задар (Зара), находящийся на далматинском побережье Адриатики, принадлежал не Византии, а Венгрии (с 1180 г.), и являлся